

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.21>

СВОЕОБРАЗИЕ ОБРАЗНО-ИНТОНАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СТИХОТВОРЕНИЯ ЮНУСА КАНДЫМА «ИЗГИБЫ»

Научная статья

Бекмуллаев В.Д.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-3259-1285;

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (marcus2104[at]mail.ru)

Аннотация

Юнус Кандым – видный крымскотатарский писатель второй половины XX – начала XXI века. Многогранное творческое наследие автора насчитывает большое количество материалов, нуждающихся в тщательном анализе. Ведущее место в нем занимает лирическая поэзия, отличающаяся особой метафорической и интонационной изысканностью. Патриотические, пейзажные, любовные и иные мотивы лирики поэта преимущественно неотделимы от философичных медитаций. Это присуще и стихотворению «Изгибы» (1987), являющемуся основным объектом исследования в настоящей статье. Проанализировав данное стихотворение, используя нарративный и семиотический методы, можно прийти к выводу, что поэтической речи Ю. Кандыма присуща своеобразная трансформация тончайшей орнаментальности, характерной для восточной, в частности, крымскотатарской поэзии.

Ключевые слова: крымскотатарская поэзия, лирика, Юнус Кандым, образная система, богатство интонаций.

UNIQUENESS OF THE FIGURATIVE AND INTONATIONAL STRUCTURE OF YUNUS KANDYM'S POEM "CURVES"

Research article

Bekmullaev V.D.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-3259-1285;

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author (marcus2104[at]mail.ru)

Abstract

Yunus Kandym is a prominent Crimean Tatar writer of the second half of the XX – early XXI century. The multifaceted creative heritage of the author includes numerous materials that need careful analysis. The leading place in it is occupied by lyrical poetry, characterized by a special metaphorical and intonational sophistication. Patriotic, landscape, love and other motifs of the poet's lyrics are mostly inseparable from philosophical meditations. This is inherent in the poem "Curves" (1987), which is the main object of research in this article. Having analysed this poem using narrative and semiotic methods, it can be concluded that Y. Kandym's poetic speech is characterized by a peculiar transformation of the refined ornamentality typical of Eastern, in particular Crimean Tatar poetry.

Keywords: Crimean Tatar poetry, lyrics, Yunus Kandym, image system, richness of intonation.

Введение

Юнус Кандым (1959–2005) – выдающийся крымскотатарский писатель второй половины XX – начала XXI века. Он, прежде всего, глубокий и своеобразный поэт. Первый поэтический сборник автора «Сен деньызге беньзейсинь» («Ты словно море») опубликован в Ташкенте (1988) [4]. Позднее при содействии украинского поэта и переводчика Микола Мирошниченко в Киеве выходят двуязычные сборники «Сары ань – Жовта мить» («Желтое мгновение», 1997) [3], «Юрекнен къапланган ер – Серцем прикрита земля» («Сердцем прикрытая земля», 2008) [7]. В Симферополе среди иных изданий автора также увидели свет поэтический сборник «Умют йипи» («Нить надежды», 2001) [5], сборник произведений разных жанров «Юкью ёктыр козьлерде» («Нет сна в глазах», 2009) [6].

Ввиду необычной ассоциативности художественной речи поэта (впрочем, весьма далекой от чрезмерной усложненности) его старший побратим Шакир Селим отметил, что стихотворения автора «необходимо читать с особым вниманием, чтобы проникнуться их сущностью» [9, С. 3]. Способ чтения, конечно, зависит от читателя, в частности от его душевной чуткости, интеллекта, эрудиции. В стихах поэта привлекает неповторимая, глубоко лиричная интонация, придающая ритмам и образам особый колорит традиционной восточной орнаментальности. При этом в творчестве автора весьма выразительно и проникновенно передано «остродраматическое мироощущение интеллигента новейшего времени» [1, С. 85].

Рассмотрению жизненного и творческого пути писателя посвящен ряд публикаций. Это, в частности, статьи, принадлежащие перу Феры Сеферовой [10], [11], Сейрана Сулеймана [12]. Все же исследования художественных исканий поэта, детальный анализ его произведений разных жанров, прежде всего лирических, еще требуют многих литературоведческих усилий. В предлагаемой публикации рассматривается одно из самых характерных стихотворений автора.

Основные результаты

Уже заглавие стихотворения Ю. Кандима «Эгрилер» («Изгибы») побуждает к предчувствию особой сложности, неоднозначности образности этого поэтического произведения. Это слово можно перевести также как «извилины», «излучины», «уловки» и т.д. Что-то в нем, существенно усиленное формой множественного числа, кроется загадочное, тревожное, экспрессионистическое. Впрочем, первая строфа, словно вуалируя подобное настроение, в какой-то мере успокаивая продиктованное заглавием смутное предчувствие, отличается теплой живописностью, умиротворенной, кроткой, можно даже сказать, убаюкивающей мелодичностью. С помощью нескольких образных штрихов здесь вырисовывается привлекательный морской пейзаж с неугомонными волнами, со скалистыми берегами, с его пернатыми обитателями. Разнообразным примечательным объектам – и чайке, и орлу, и стремительной игривой волне – уютно и вольготно в крайне важной для них пространной окружающей среде, в результате чего предстает не только живописно-мелодичная, но и гармонично-благодатная картина:

*Чагъалагъа деньиз керек,
Мавы коклер – къарталгъа.
Парча-кесек олмакъ ичюн
Саиль керек далгъагъа
(Чайке нужно море,
Орлу – голубые небеса,
А волне берег, дабы она
Рассыталась в пенистые брызги)*

[5, С. 166]; здесь и далее стихотворение цитируется по этому изданию.

Отмеченная важность гармоничного единения представляемых фигур, предметов с их окружением подчеркивается с помощью довольно звучного и даже несколько назойливого слова «керек» («нужно, необходимо»). Этим словом заканчивается первая строка первой строфы, также оно встречается в ее последней строке. Не раз это слово появляется и в последующих строфах, именно в конце отдельных строк, в результате чего образуется ненавязчивая, пунктирная, но при этом довольно выразительная эпифора, усиливающая интонационную и композиционную целостность лирического изложения.

В следующей строфе почти идиллическая ранее изображенная картина внезапно, но, учитывая упомянутый характер заглавия, не совсем неожиданно, изменяется. Теперь поэтическое изложение приобретает отчетливую тревожно-экспрессивную тональность, усиленную антитетическим параллелизмом. Это параллель между предыдущими фигурами-предметами окружающей среды (собираемыми образами чаек, орлов, волн) и лирическим авторским «я». Прежде соответствующие образы хоть и четко выделялись в общей живописной панораме, все же были едины с нею, удивительно гармонично с ней сливались, можно сказать, являясь определенными объектами в объективном пространстве. Теперь же очерчивается в какой-то степени созвучное им, но одновременно и противопоставляемое им лирическое авторское «я». Отдельность определенных объектов в объективном пространстве приобретает на этот раз отчетливую субъектность. А само это пространство теряет свою безграничность, существенно деформируется, предельно сужается к таким образным концептам как «глоток воздуха» и «сетчатая клетка»:

*Мангъа къанат къакъмакъ ичюн
Бир ютум нефес керек.
Ольмемекчюн шиирлерден
Орюльген къафес керек
(Мне, чтобы взмахнуть крылом,
Хотя бы глоток воздуха нужен,
А чтобы не погибнуть от стихов,
Плетеная клетка нужна).*

Лирическому герою в его среде далеко не так вольготно, как в морских даях параллельным ему волнам, с беззаботной игривостью разбивающимся о берег, или пернатым существам в небесных просторах. Чтобы осуществить заветные мечты, «взмахнуть крылом», ему не хватает воздуха, а чтобы не погибнуть от стихов, – не хватает какого-то пристанища, «сетчатой клетки», которая могла бы служить приютом, защитой в тревожном мире. В таком пристанище отнюдь не нуждаются птицы, а тем больше водная стихия.

Очевидно, можно по-разному трактовать сложную образность второй строфы, но несомненно, что в ней довольно отчетливо обозначается душевное смятение, неприкаянное состояние субъекта лирического повествования.

Несмотря на ощутимую образно-интонационную экспрессивность этой строфы, она отличается определенной эмоциональной сдержанностью, можно даже сказать, неким стоицизмом. Поэтическая информация представлена здесь, как, впрочем, и во всем стихотворении, лаконично и довольно рассудительно, в четком неторопливом ритме, подчеркнутым регулярной, но ненавязчивой чересстрочной рифмой (abcb).

Часто подобную конфигурацию созвучий называют «холостой рифмой». Вряд ли такое определение можно считать корректным. Термин «холостой стих», фигурирующий в «Поэтическом словаре» А. Квятковского, кажется более целесообразным. Это, как поясняет составитель, «термин старой русской поэтики, бытующий и в настоящее время; незарифмованная строка среди рифмованных стихов» [2, С. 327]. Аналогичное обозначение встречается и в более поздних изданиях: «Холостая стихотворная строка – это незарифмованная стихотворная строка, присущая восточной поэзии (газель, рубаи и др.); встречается и в европейской поэзии, в частности, в катрене, где могут не рифмоваться первая и третья строки» [8, С. 558]. Таким образом, это весьма условное обозначение касается характеристики звучания не всех строк определенной строфы, а только строк нерифмующихся. Как же в таком случае обозначить конфигурацию созвучий, чаще всего встречающую в четырехстрочной строфе такого рода? Такое обозначение, как «чересстрочная рифма», представляется здесь вполне уместным.

Конструкция рифм в рассматриваемой строфе стихотворения Ю. Кандыма даже несколько более четкая, более чеканная, чем в других строфах. Этому способствует появление редифа (продолжения точной рифмы рифмой тавтологической): ...нефес керек – ...къафес керек. Примечательно, что в роли редифа выступает здесь уже упоминавшееся слово «керек» («нужно»), подчеркивающее важный в стихотворении поэтический параллелизм и усиливающее, как, впрочем, и почти каждый словесный повтор в художественном тексте, эмоциональную насыщенность, экспрессивность изложения.

Между тем здесь пока речь не идет о полной потере надежд на лучшее, собственно, на глоток чистого воздуха, либо на уют в сетчатой клетке, которых недостает.

Следующая строфа предстает переломной, можно сказать, кульминационной в поэтическом изложении. Довольно нестандартная система антитетических параллелей способствует дальнейшему развитию динамики лирического сюжета. Третья строфа несколько неожиданно, однако целиком в ключе заявленных заголовком изгибов, зигзагов, возвращается к художественным реалиям первой строфы, и, как и вторая строфа, предстает еще одной антитетической параллелью конкретно по отношению к ней. Соответствующая антитеза на этот раз подчеркивается противопоставительным союзом «лякин» («но»), которым эта строфа открывается. Идиллический пейзаж первой строфы, непосредственным продолжением образности которого является образность именно третьей строфы, сменяется картиной гораздо более мрачной, картиной, в которой доминируют драматические штрихи:

*Лякин дерья, денъизлерде
Къарталлар балыкъ авлай,
Дагъда, чельде акъ чагъала
Сычанларгъа козь ташлай
(Но высматривают орлы рыб
В морских просторах,
А белая чайка к мыши в степи и меж гор
Прикипает пристальным глазом).*

Как видим, здесь автор крайне далек от предыдущей кроткой умиротворенности, от умильных чайний, высказываемых, например, в библейских «Книгах пророков», надежд на то, что «волк будет жить вместе с ягненок, леопард рядом с козленком будет лежать...» [Кн. Исаии: 11:6]. Понятно, что в художественном мире автора, неотделимом от трагических реалий XX века, нет места утопично-идиллическим иллюзиям. Художественная структура рассматриваемого произведения, прежде всего присущая ему система образных параллелей, свидетельствует о тревогах лирического субъекта по поводу угрожающих тенденций дегуманизации общественного бытия. Поэтому завершается стихотворение отчаянно-печальной, безнадежно-тревожной, но притом (парадоксальным образом) предостерегающе суровой строфой. Предыдущая живописная колоритность, эмоциональное воодушевление сменяются в этой строфе иными красками и интонациями. Здесь преобладают мрачная блеклость, тягостная отрешенность. По-своему красноречивы метафоры усохших, окостеневших, даже громыхающих крыльев, хрипло исчезающего дыхания. Соответствующая образность усиливается не менее поразительной звукописью:

*Къанатларым къуру кемик,
Шатыр-шатыр шатырдай,
Учмакъ ичюн нефес керек,
Нефес къача къатырдай
(Окостенели крылья мои,
Тяжко-тяжко громыхают,
Вдохнуть бы воздуха и в полет,
Но вздох убегает хриливо).*

Несмотря на внутреннюю эмоциональную насыщенность, на связанные с ней проникновенный лиризм и глубокий драматизм, поэтическое повествование в этом стихотворении внешне лаконичное, четкое, медитативно рассудительное, строго сдержанное. Оно имеет определенное отношение к вышеупомянутому стоицизму, присущему очерченному здесь мироощущению.

На многих структурных уровнях, в том числе композиционном, в этом стихотворении преобладают пары бинарных оппозиций, контрапунктных сопоставлений, склоняющих к представлению о преобладании в его художественной конструкции числа четыре. Стихотворение состоит из четырех четырехстрочных строф. Четко перекликаются между собой первая и третья строфы, в которых очерчиваются образы объективной среды, и вторая и четвертая строфы, в которых внимание концентрируется на ощущениях субъекта лирического повествования.

Заключение

«Эгрилер» – это тревожное стихотворение, в котором с образной выразительностью, композиционной изысканностью, медитативной рассудительностью, интонационной проникновенностью раскрываются переживания лирического субъекта по поводу досадных сложностей его взаимоотношений с далеко не всегда благоприятным, часто дисгармоничным окружающим миром.

Развитие лирического сюжета этого стихотворения приводит к ощущению непреодолимой тоски, отчетливо раскрывающейся в последней, итоговой строфе. Образности этой строфы присущ мрачный колорит, неотделимый от вызванного предыдущими медитациями грустного спокойствия, от трезвой констатации неутешительности существующих реалий. Вместе с тем, эта образность, впрочем, как и различные параметры всего стихотворения, отмечена особой грациозностью, изысканностью. Очевидно, преимущественно в связи с этим, она не вызывает чувства безысходности. Во всяком случае, рассматриваемое поэтическое произведение подлежит не только крайне пессимистической трактовке, ведь осознание строгой, возможно, даже беспощадной правды, удаленность от благодушных иллюзий может стать источником небезосновательных надежд на лучшее.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бекмуллаев В. Д. Образное своеобразие и интонационная изысканность лирики Юнуса Кандыма / В. Д. Бекмуллаев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. — 2023. — Выпуск 15. — С. 85-89.
2. Квятковский А. Поэтический словарь / Александр Квятковский. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 376 с.
3. Къандым Ю. Сары анъ: шиирлер — Жовта митъ: вірші / Юнус Кандим; Переклад з кримськотатарської та передмова Миколи Мірошниченка. — Київ: Етнос, 1997. — 158 с.
4. Къандым Ю. Сен денъизге бенъзейсинъ: шиирлер [Ти на море схожа: вірші] / Юнус Къандым. — Ташкент: Гъафур Гулям адына эдебият ве санъат нешриятъ, 1988. — 80 с.
5. Къандым Ю. Умют йипи: шиилер ве дестанлар / Юнус Къандым. — Симферополь: Доля, 2001. — 272 с.
6. Къандым Ю. Юкъу ёкътыр козьлерде: эдебий макъалелер, икяелер, къолязма дефтерден, шиирлер, йырлар / Юнус Къандым. — Акъмесджит: Тарпан, 2009. — 192 с.
7. Къандым Ю. Юрекнен къаплаган ер: шиирлер — Серцем прикрита земля: поезіі / Юнус Кандим; Переклад з кримськотатарської, вст. ст. Миколи Мірошниченка. — Київ: Етнос, 2008. 240 с.
8. Літературознавча енциклопедія: в 2 т. / Автор укладач Ю. І. Ковалів. — Київ: Академія, 2007. — Т. 2. — 624 с.
9. Селим Ш. Осюв ве юкселюв ёлунда / Шакир Селим // Достлукъ. — 1990. — Майыс 5. — С. 3.
10. Сеферова Ф. Переводческий портрет Юнуса Кандыма / Ф. Сеферова // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2019. — Выпуск 8. — С. 70-73.
11. Сеферова Ф. Юнус Къандым — шаир, публицист ве терджиман / Ф. Сеферова // Сеферова Ф. Къырымтатар шириетинде анъаневийлик ве янъылыкъ (XX асырнынъ сонъу — XXI асырнынъ башы). — Акъмесджит, 2011. — С. 155-175.
12. Сулейман С. Шаир ве терджиман Юнус Къандымнынъ иджадий ёлуна бир назар / С. Сулейман // Ана тили оджалырына. — 2018. — № 2 (16). — С. 17-20.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bekmullaev V. Obraznoe svoeobrazie i intonatsyonnaia izyskannost' liriki Yunusa Kandyma [Figurative Originality and Intonation Sophistication of Lyrics by Yunus Kandym] / V. Bekmullaev // Voprosy krymskotatatskoi filologii, istorii i kul'tury [Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture]. — 2023. — Iss. 15. — P. 85-89. [in Russian]
2. Kviatkovski A. Poeticheskii slovar' [Poetry Dictionary] / A. Kviatkovski. — Moscow: Sovietskaiia encyclopedia [Soviet Encyclopedia], 1966. — 376 p. [in Russian]
3. K"andym Yu. Sary an' — Zhovta myt' [Yellow Jiffy] / Yu. K"andym; Translation from Crimean Tatar and Preface by Mykola Miroshnychenko. — Kyiv: Ethnos, 1997. — 158 p. [in Crimean Tatar and Ukrainian]
4. K"andym Yu. Sen den"izde ben"zeisyn": shyirler [You are Like the Sea: verses] / Yu. K"andym. — Tashkent: Hafur Huliam adyna edebiat ve san"at neshriaty [Hafur Huliam Publishing of Literature and Art], 1988. — 80 p. [in Crimean Tatar and Ukrainian]
5. K"andym Yu. Umiut ipi: shyirler ve destanlar [Thread of Hope: Verses and Poems] / Yu. K"andym. — Simferopol: Dolia, 2001. — 272 p. [in Crimean Tatar]
6. K"andym Yu. Yuk"u yok"tar koz'lerde: edebii mak"aler, ikiaeler, shyirler, iylar [There is no Drowsiness in Eyes: literary articles, shot stories, poems, songs] / Yu. K"andym. — Ak"mesdzhyt: Tarpan, 2009. — 192 p. [in Crimean Tatar]
7. K"andym Yu. Yureknen k"aplahan yer: shyirler — Sertsem prykryta zemlia: poezii [The Earth Covered by Heart / Yu. K"andym; Translation from Crimean Tatar and Preface by Mykola Miroshnychenko. — Kyiv: Ethnos, 2008. — 240 p. [in Crimean Tatar and Ukrainian]
8. Literaturoznavcha encyclopedia: v 2 t. [Literary Encyclopedia: in 2 vol.] / author-compiler Yu. Kovaliv. — Kyiv: Academia, 2007. — Vol. 2. — 624 p. [in Ukrainian]
9. Selim Sh. Osiuv ve yukseliuв iolunda [On the Way of Increasing and Elevation] / Sh. Selim // Dostluk". — 1990. — May 5. — P. 3. [in Crimean Tatar]
10. Seferova F. Perevodcheskii portret Yunusa Kandyma [Portrait of Yunus Kandym as the Translator] // Voprosy krymskotatatskoi filologii, istorii i kul'tury [Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture]. — 2019. — Issue 8. — P. 70-73. [in Russian]
11. Seferova F. Yunus K"andym — shair, publitsyst ve terdzhiman [Yunus Kandym — Poet, Publicist and Translator] / F. Seferova // Seferova F. K"yrymtatar shyiretinde an'aneviylik ve yan'ylyk (XX asyrnyn" son"u — XXI asyrnyn" bashy) [The Traditions and Innovation of Crimean Tatar Poetry in late 20th — early 21st century]. — Ak"mesdzhyt, 2011. — P. 155—175. [in Crimean Tatar]

12. Suleiman S. Shair ve terdzhiman Yunus K'andymnyn" idzhadiy ioluna bir nazar [The View on the Creative Way of Poet and Translator Yunus Kandym] / S. Suleiman // Ana tili odzalaryna [Study of Native Language]. — 2018. — No 2 (16). — P. 17-20. [in Crimean Tatar]